

Виталий Волович. Победивший хаос

Вчера ушёл из жизни народный Художник и настоящий Горожанин

Евгений ЗАШИХИН,
специально для «ОГ»

Евгений Зашихин – близкий друг Виталия Воловича – о судьбе и творчестве художника.

Шестидесятник

Творческая личность, сосредоточенная на самодеятельности по отношению к собственной внутренней жизни, и оттого человек душевно неустроенный, *безытоволок* (если в одно слово – *трудоголик*, если двумя – добавить через дефис дефиницию *одиночка*), В.М. Волович тем не менее принадлежит к определенной социокультурной общности. Он – яркий представитель «шестидесятничества».

Сказанному про свою возрастную генерацию в его «Записках художника», что под названием «Мастерская» выходили в Москве (2008) и Екатеринбурге (2017), он горестно напишет: «Шестидесятники... Мы живём в опустевшем и вполне равнодушном к нам мире. Мы интересны только друг другу. Мы видим и ценим друг в друге свидетельство собственной жизни. Доказательство её реальности... Но с каждым ушедшим эта реальность становится всё прозрачнее...».

Не стану комментировать эту исповедь. Как не стану повторять азбучное: в массе своей «шестидесятники» – дети советской интеллигенции 1920-х – 1930-х – рано попали под прессинг коммунистической пропаганды. Вот воспоминание В.М., датированное тем самым знаменитым 1937 годом:

«В 9 лет я пережил глубокое потрясение... Как-то вечером родители допоздна засиделись в столовой. <...> Дверь была прикрыта неплотно... Мама тихо, почти шёпотом, сказала: «Он убийца, убийца...» – и заплакала. <...> Задохнувшись от ужаса, я понял, что они говорили о *Сталине*... <...> Я лежал с сильно бьющимся сердцем... «Мои родители – враги... Я должен рассказать об этом в школе... Но тогда их арестуют... Что же делать?»

Кончилось всё это тяжёлой нервной горячкой: «Две недели я пролежал в постели, медленно приходя в себя после пережитого потрясения» – и ни сам он, ни его родители «даже не подозревали, на каком волоске висела наша общая судьба в ту страшную ночь...».

Виталий Филиппов

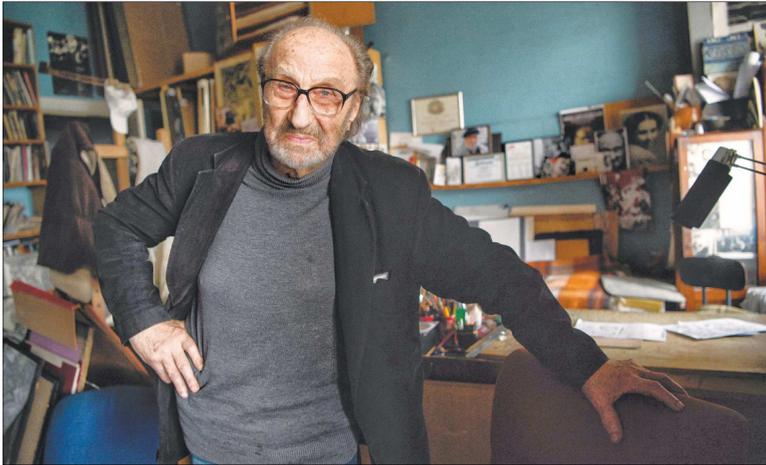
Начну с уточнения, что родился Волович в августе 1928 года в Спасске Дальневосточного края (в Приморском последним станет только в 1938-м). И лишь через год после рождения мальчика город официально переименоуют Спасск-Дальний.

Была ли у мальчика тогда фамилия Волович – сегодня уже не установить. Известно лишь, что в детский сад на Урале его записали как Филиппова.

В «Записках художника» Волович крайне лаконично высказался об отце. Да и что он мог тут комментировать, ведь такое нельзя держать в памяти: «По рассказам мамы, отец сказал: «Я или ребёнок». Мама сказала: «Ребёнок». Его мать – *Чарна Лотоцкая* (1902–1950), дочь портового рабочего из Владивостока, в три года осталась сиротой, но окончила гимназию. После прихода советской власти работала машинисткой в губернском отделе бывшей ЧК – теперь Объединённого государственного управления (ОГПУ) при Совнаркоме СССР. Возможно, тогда она и стала Клавдией Владимировной Филипповой. Уже под этим именем она работала в адвокатской конторе и газете «Приханкинская правда».

Переезд в Свердловск в 1932 году был для неё, по словам сына, «отчаянной попыткой вырваться из обстоятельств несложившейся жизни».

«Де-то в середине 1930-х Клавдия Владимировна Филиппова становится женой писателя и литературоведа *К.В. Боголюбова*. И только в конце войны в их семейных отношениях случается кризис...»

Виталий Волович в своей мастерской

Волович В.М. Плач Ярославны. Из иллюстраций к книге «Слово о полку Игореве». 1982. Бумага, офорт, лак мягкий. 52,6х72,4. В собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств

Витя Боголюбов

Под такой фамилией мальчик пошёл в школу в 1936-м. Учился на отлично (когда придут война и голод, это пригодится). А ещё он пристрастился к книгам, благо библиотека у отчима была прекрасная, к тому же тот, университетский преподаватель, «приучал» к серьёзному чтению.

Волович помнит книжные полки от пола до потолка вдоль всего коридора и в комнатах их квартиры в доме, что был на углу Декабристов и Мамина-Сибиряка: «Библия и «История крестовых походов», Байрон, Вальтер Скотт, Сервантес... Шекспир и Шиллер... А дальше Дюма, Ренан, Гёте и особенно любимый в то время Генрик Сенкевич».

При этом Витя Боголюбов не только запоем читал, но и подолгу, часами разглядывал иллюстрации – того же *Мориса Леруа* к «Трёх мушкетёрам» или *Гюстава Доре* к «Неистовому Роланду». Тогда же пришло увлечение: вечерами рисовал бесчисленные замки, вырезал из картона и раскрашивал фигурки рыцарей, герольдов, оруженосцев.

Подобные изображения рыцарей, образ в культуре многозначный, будут сопровождать Виталия Воловича всю жизнь. Не только в его станковой графике, где обнажённые сексапильные девицы (ещё один любимый у художника образ) домогаются фигурки с плюмажами (символ благородства) и в стальных панцирях, за которыми – увы! – пустота. Но и на фирменном изоватографе – галантном (коллопенроклонённом) рисунке, которым он обычно сопровождает особо приятные надписи на даримых книгах.

Именно чтение – особенно в страшные годы войны – помогло юному художнику уйти от жестокости настоящего в сладкий сон: там воображаемо жили добро, справедливость, сочувствие, любовь. Без этого поиска идеалов все текущие мерзости той повседневности неминуемо можно было бы принять как норму.

Только и от книг приходилось отвлекаться, «возвращаясь в реальную жизнь. В ней были школа, холод и постоянное чувство голода». К слову, в *дневниках Воловича – а он их вёл и в школе, и в художественном училище, где есть и про девочек, которые нра-*

вились, и про тимуровскую команду, в рядах которой он с одноклассниками ходил пилить дрова, и про муки творчества («Искрыли себе все мозги, но разве из пальца выосеешь тему?»), пошутно сосчитаны плюшки, выданные в школе, четверть кусочка хлеба, в котором отказала мама, или кусочек белой булки, которой оделил папа...»

Виталий Волович

Осенью 1943 года, словив между двумя картонками рисунки сына, мама привела его в художественную училище. Оно занимало тогда три комнаты на пятом этаже филармонии – ниже находились кожаный склад, откуда и совершали свои набегги по зданию десятки крыс.

Крысы – из «вечерних» (когда учились в третью смену) впечатлений. А вот что вспоминается про смену первую: «Утром, когда мы вбегаем в аудиторию, из драпировок и восточных яблок медленно сползают ржавые хомяки и с неохотой уходят за плашевые, стоявшие вдоль стены...».

Условия для занятий отличались суровостью: «В училище было чудовищно холодно... сидели на уроках, не раздеваясь. <...> Мы писали акварелью... протыкая черенком кисти тонкую ледяную корку в банке с водой».

На занятия Виталий Волович (в училище к нему вернулось его настоящее имя) до третьего курса ходил в ватнике, затем носил подаренный кем-то из подруг мамы протёртый до рыжих пятен старенький женский реглан. А то и не ходил в училище, пропуская занятия, поскольку увлёкся оперным пением.

Увлёкся – мятко сказано, в «Мастерской» это звучит нарочито: «Великий художник до третьего курса ходил в ватнике, затем носил подаренный кем-то из подруг мамы протёртый до рыжих пятен старенький женский реглан. А то и не ходил в училище, пропуская занятия, поскольку увлёкся оперным пением».

Увлёкся – мятко сказано, в «Мастерской» это звучит нарочито: «Великий художник до третьего курса ходил в ватнике, затем носил подаренный кем-то из подруг мамы протёртый до рыжих пятен старенький женский реглан. А то и не ходил в училище, пропуская занятия, поскольку увлёкся оперным пением».

ники в «художке» были мастерскими.

После окончания художественного училища в 1948-м Виталию Воловичу пришлось по максимуму включиться в зарабатывание денег: у мамы после работы на износ в годы войны открылась тяжёлая форма туберкулёза лёгких. Тогда – параллельно с преподаванием в детской художественной школе при СХУ – он стал сотрудничать со Свердловским книжным издательством. А по сути, начался очередной виток в его профессиональном становлении.

Первым наставником на новом для Воловича поприще оказался *Александр Соломонович Асс*, тогда художественный редактор СвердловГИЗа. Он не только привлек молодого живописца к оформлению книг, но, когда выяснилось, что тот на практике почти что не рисует тушью, учил его чёткой «живой линии» пером, штрихам, заливке тушью, а также основному в иллюстрировании.

Дебютные картинки Воловича к рассказу «Суровоце» для детского альманаха «Боевые ребята» переделывались более десяти раз – дорабатывались бы ещё, но горели сроки сдачи в типографию. Разумеется, это было сильным ударом по самолюбию: «Я был настолько унижен своей беспомощностью, что поклялся никогда больше даже близко не подходить к издательству...»

Становление

Вот так, зарекаясь (что больше ни в жизнь...), чертыхаясь и переживая, Виталий Волович делал свои первые книги.

Чертыхаясь, потому как всё больше заказывали ему оформление каких-нибудь справочников и путеводителей.

Переживая, потому как всё ещё мало что умел. И в первой полноценной его работе (25 полных иллюстраций + три заставки) над повестью *Олега Корякова* «Приключения Лёньки и его друзей» (1949) – обложку для книги выполнил *О.Д. Коровин*.

Оформлял Волович и сборники стихов уральских поэтов. С его обложками вышли «Ступор» *Николая Куштова* (1953), «Сверстники» *Елены Хоринской* (1954), дебютные для *Беллы Дижур* «Раздумья» (1954), «Дороги» *Михаила Пи-*

ленко (1955) и т. д., дизайн которых сам художник впоследствии критиковал.

Первым его громким успехом стали рисунки к «Сладовой солнцу» (1953) *Михаила Пришвина* (тот прислал в Свердловское издательство полное респекта письмо).

Однако по-настоящему рублевым для художника, на мой взгляд, оказалось оформление «Мансийских сказов» *Маргариты Анисимовой* (1960). Изобретательство В.М. Воловича, придумавшего 14 (по числу текстов) оригинальных шумов-заставок, да ещё и нарисовавшего персонажей этих сказов в самобытном «северном» ключе – предельно лаконично и узнаваемо – вызывает восхищение. Другим сказам повезло меньше. Речь о выпуске «Малахитовой шкатулки» *Л.П. Бажова* (1963) – первой большой работе Воловича-художника: девять цветных гравюр-иллюстраций, 22 чёрно-белые заставки и суперобложка, отмеченные, кстати, дипломом 2-й Всесоюзной выставки эстампа. Но идеологическая комиссия Свердловского обкома КПСС тогда потребовала «отменить» награду: к тому времени мало кто из числа местных «власти» сомневался, что художник – формалист.

«Я – книжный график»

Вся эта травля инакомыслия на местах привела к тому, что отношения В.М. Воловича с издательством (оно в 1964-м сменило имя на Средне-Уральское книжное) на несколько лет прерывались. Его даже уберут из редколлегии «Уральского следопыта», членом коей он был со дня основания журнала.

Волович уезжает в столицу «искать работы», живёт в мастерской у *Бориса Жужовского* (другом ещё по СвердловГИЗу), активно общается с земляком *Эристом Неизвестным*, с художниками-неоформалистами – *Ильёй Кабаковым*, *Юло Соостером*, *Виктором Янкилевским*, *Виктором Пивоваровым*, *Эдуардом Гороховским*...

В 1965 году В.М. Волович представил на Международном конкурсе художников-иллюстраторов в Лейпциге (ГДР) четыре разворота к балладе *Р.Л. Стивенсона* «Вересковый мёд». Позже стал лауреа-

том выставки иллюстрации в чехословацком Брно.

Его стилистический дебют – наполненные драматургической динамикой и экспрессией контрастов цветные и чёрно-белые иллюстрации к «Песне о Буревестнике» и «Песне о Соколе» *Максима Горького*, в том же 1965-м выпущенным «Художественной литературой», вызвал воодушевляющий интерес специалистов и диплом на конкурсе «Искусство книги».

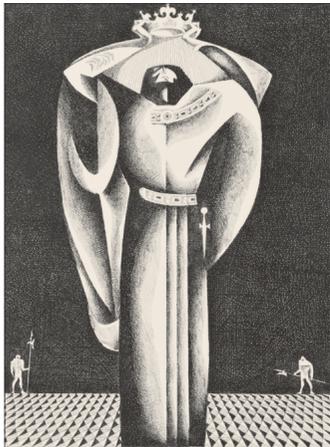
К тому времени поменялся руководством в Средне-Уральском книжном издательстве, и В.М. Волович возобновляет работу с ним. Результат – оформление «Романа о Тристане и Изольде» *Жозефа Бёде* (1978) и «Эгмонта» *Иоганна Вольфганга Гёте* (1982) отмечено специальными дипломами на «Искусстве книги». Были и другие яркие работы, например, оригинальное подарочное издание «Слово о полку Игореве» (1982).

Далее был последний книжный проект со Средне-Уральским – «Орестея» *Эскила* (1989). Она не вышла: «Издательство разваливалось... Я бросил графику» (так и это зафиксировал В.М.). На самом деле, его работа с книгой продолжилась: редкий год, когда мэтр не издавал в «Автографе» роскошные альбомы (скажем, «Женщины и монстры») со своими работами в технике линогравюры, офорта, литографии, а то и в темпере, акварели, гуаши. Конкретика стилистических решений мотивирована заложеной в замысле работы степенью экспрессивности, а выразительности линий и штриховки соседствовали здесь с поиском монументальности. В какой-то мере это был своего рода монумент сделанному им в искусстве.

Резюме (опять же со слов В.М.): «Как художник я почти не изменялся, но постоянно изменялись обстоятельства художественной жизни. В системе соцреализма я считался формалистом. Во всяком случае, имел в связи с этим определённые неприятности. Затем, никак не изменившись, я перешёл в разряд постмодернистов. А заканчиваю свою творческую жизнь, опять же несколько не изменившись, чуть ли не хранителем реалистических традиций и ретроградом».

Волович В.М. «Гротески. Корабль дураков». 2011. Репродукция сделана на выставке «Корабли, дураки, женщины и монстры» (2 марта 2017), ЕГСИ

Волович В.М. Ричард III с короной. Лист из серии иллюстраций к трагедии В. Шекспира «Ричард III». 1967. Бумага, офорт. В собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств

Волович В.М. Король Марк уносит Тристана к берегу моря. Из серии иллюстраций к роману Ж. Бёде «Роман о Тристане и Изольде». 1972. Бумага, автолитография. В собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств

ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО

О ВОЗРАСТЕ. «70 лет – это много, если внучку мою спросить. Они *Пришвина* в школе проходили, «Кладовую солнца». Ей в руки попало издание 1952 года – с моими рисунками. А я сказал, что с *Пришвиным* виделся. «Ты *Пришвина* знал?!». И тут же чуть ли не закричала: «Знает, ты и *Пушкина* встречал!».

70 лет много, если вспомнить, что я действительно был в гостях у *Пришвина*, современника *Льва Толстого*... Но по сути – мало, по состоянию души. Планы есть – и на две недели, и на два года, и на двадцать лет».

В номере «ОГ» от 3.08.1998.

О ЦЕНЗУРЕ И РЫНКЕ. Я нашёл свою нишу – классику мирового уровня. В ней и прятался от цензуры вскакой. Но помните борьбу *Хрущёва* с «абстракционистами» и «формалистами»? Их тогда искали не только в Москве. У нас, разумеется, тоже нашли: *Мосин*, *Брусиловский*, *Волович*. Заказывать перестали, гнобили... Словом, было давление, пресс идеологии. Теперь давит рынок, рубль. Но назад не хочется».

В номере «ОГ» от 3.08.1998.

О ИЛЛЮСТРАЦИИ КАК ЖАНРЕ. «Иллюстрированная книга перестала существовать. Издатель считает, что иллюстрация только удорожает издание. Это совершенно неправильно. Можете себе представить «*Дон Кихота*» без *Доре* или «*Трёх мушкетёров*» без *Леруа*? У меня не было заказов с 90-го года, когда не была напечатана уже сделанная мной «*Орестея*» *Эскила*. Началась новая эра. И я, тоскуя по книге, попытался изобрести принципиально другую форму соотношения текста и художника».

В номере «ОГ» от 2.11.2013.

О СВЕРДЛОВСКО-ЕКАТЕРИНБУРГЕ. «Родину (Приморский край) – *Прим. «ОГ»* – я совсем не помню. Поэтому всю сознательную жизнь – от начала, а теперь уж точно могу сказать, что и до конца – я прожил на Урале. Я очень люблю Екатеринбург – здесь произошло всё то, что должно случиться в жизни человека. Из полутра миллиона жителей этого города 300 тысяч человек я знаю, из них 100 тысяч – мои друзья».

В номере «ОГ» от 7.06.2018.

О ДРУЗЬЯХ. «Переиздание книги «Мастерские» было вызвано печальными событиями. Ушли из жизни все мои близкие друзья: *Андрей Антонов*, *Герман Метелёв*, *Лёша Казанцев*, *Миша Брусиловский*... Их утрату я крайне тяжело переживал. Последним был *Миша Брусиловский*, нас связывала 60-летняя дружба. Ещё смерть жены послужила поводом, потому что днём я работаю в мастерской, а вечером иду домой, где её нет... От личных трагедий у меня возникло ощущение одиночества. С одной стороны, хотелось его преодолеть, а с другой – выполнить долг перед людьми, которых я очень любил».

...А вообще, я провёл жизнь, окружённый очень близкими людьми, друзьями, и в этом у меня недостатка не было. И это, наверное, одна из самых больших удач моей жизни».

В номере «ОГ» от 22.03.2018.

ОБ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ГЛАВНЫХ РАБОТ. «Корабль дураков» – всеобъемлющая метафора. Она важная и глубокая. Если говорить про название, то мне кажется, что в жизни эти вещи соединяются естественным образом. Мои работы порой посвящены страшным и неприятным вещам. Но они не сегодня возникли и не завтра исчезнут, поэтому эта вневременная ирония и скорбь о том, чего изменить нельзя, но о чём говорить необходимо. Это веки прошедшего, которые я несу за собой. Я не всегда говорю современным языком, поскольку понимаю, что заезв не в своё время, но, если молодые люди хотят расширить представление о жизни, которая была до них, должны посмотреть эти работы. Художник организует материал по законам эстетики. А организация – это уже победа над хаосом. Надеюсь, что я победил хаос».

В номере «ОГ» от 3.03.2017.

Необычный изоватограф Виталия Воловича

Выражаю самые искренние, глубокие соболезнования всем родным, близким и друзьям

Виталия Михайловича ВОЛОВИЧА,

народного художника Российской Федерации, Почётного гражданина Свердловской области, в связи с его кончиной.

Эта огромная потеря для всех, кто знал этого выдающегося человека, для нашего региона в целом, для всей отечественной культуры. Его рисунки и графические работы навсегда вошли в золотой фонд русского искусства, стали украшением и гордостью многих художественных галерей.

Недаром Виталий Волович сам сказал о себе: «*Есть художники, которые жгут вдохновения, а я исповедую ежедневный труд*». Даже в преклонном возрасте он сохранял энергию, позитивный настрой, интерес к жизни, стремление творить и созидать. Виталий Михайлович продолжал организовывать выставки, иллюстрировать книги, выступал инициатором многих знаковых культурных проектов. Так, в 2013 году при его содействии в Екатеринбурге был открыт музей Эриста Неизвестного, другом которого Виталий Волович был на протяжении многих лет. Мы прощаемся со светлым, добрым, невероятным одарённым человеком, признанным классиком уральской художественной школы. Светлая и неугаемая память о Виталии Михайловиче Воловиче навсегда останется в наших сердцах.

Губернатор Свердловской области Евгений КУЙВАШЕВ

Виталия Михайловича ВОЛОВИЧА.

Вся сознательная жизнь Виталия Михайловича была связана с Екатеринбургом и Свердловской областью. Творческий путь Виталия Михайловича начался 70 лет назад после окончания Свердловского художественного училища имени И.Д. Шадра. Виталий Михайлович стал одним из подлинных символов культурной, художественной жизни Среднего Урала. Работы художника находятся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, Пражской национальной галерее, Моравской галерее в г. Брно, в Музее современного искусства в Кёльне, в Музее И. В. Гёте в Веймаре, Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее Санкт-Петербурга, Екатеринбургской галерее современного искусства, в частных собраниях России, Америки, Германии, Франции, Израиля, Австрии, Испании.

Мы разделяем горечь постигшей всех нас утраты с родными и друзьями Виталия Михайловича Воловича. Вечная и светлая память об этом человеке навсегда останется в сердцах жителей Свердловской области!

Председатель Законодательного собрания Свердловской области Людмила БАБУШКИНА